

ГИПЕРБОРЕЕЦ ОБУЧАЛ ГОМЕРА...

* * *

По Телецкому озеру
рябь, рябь.
А по гребням и скалам –
туман, туман.
Проступает из воздуха
дождь-хлябь,
Да курится за мысом
гора-Шаман.

Где стеклом вулканическим
гладь вод,
Чёрным-чёрного зеркала
глубина,
Словно лоб запечатал мне
хлад-лёд,
А душа и не знает
о дне дна...

Переплыть, переплавиться
след в след
За алтайской наядою –
ждать, жить! –
В ту страну, где не ведома
власть лет,
И в двойном одиночестве
знать-быть...

* * *

*«На диком берегу...»
К. Рылеев*

Снова коровы ревут.
Утро деревни.
С берега на Умреву
Тарской царевны
Тянется лугом фата,
А за туманом –
Вновь багрянится вода
Над атаманом.

И с Иртыша до Оби –
Тарой, Чулымом
Сколько назад не гребли
В неразделимом

Времени, сердце, огне
Вместе поныне –
В небе, в могиле, на дне,
В алой польни,
В стане стальном Ермака,
В ставке Кучума...
Всех породнила река,
Родина, дума.

Вновь погружаемся, брат,
Дальный и вольный,
В перепелиный закат,
В пепел окольный.

* * *

Залив Таманский пепелен и нем,
Ржавеют листья, иней на ограде...
Лишь дрожь и мука желтых хризантем,
Как будто плач и просьба Христа ради.

Безотчий...
Отчего это со мной?
Песок серее самых серых буден.
Нам не уйти от жизни жестяной,
Не так ли, землячок Егор Прокудин?

Мир – без любви.
Сапожник – без сапог.
Эринии вопят, как на эстраде...
Эвксинский Понт шумит, как римский полк
Периода военных демократий.

КРЕСТ

На мраморном надгробии Геракл
 Был грозен, как Георгий-змееборец,
Но конь врага копытом не топтал,
 Копье искало славы, а не правды.
И камень, прихотливо накренься,
 Стоял среди осколков Гермонассы,
Средь городка по имени Тамань,
 На берегу полуденного моря
Во дворике музея...
 Где-то здесь,
Неподалеку, ночевал поручик,
 И так же слушал мерный шум воды
И запах йода на осклизлой гальке,
 И древней тишины степную глушь...
Но тот поручик умер.
 Был застрелен.
 Давным-давно.

А кажется, вчера.
 Зачем я вспомнил?
 Жалость? Состраданье?

Нет, нет!
 Он так хотел. Он все узнал
 Столь рано, что не думал о протесте.
Протест ведь пустоте равновелик,
 А он был полон жизни, вечной жизни,
Хотя слова о жизни той пусты...

Но есть деталь, что не дает покоя.
Там – в глубине музея, на стене,
Средь золотых монет Понтикапеи,

Лампадок, бус, ликовчиков, колец
И прочей бижутерии ахейской
Есть крестик. Я не видывал нигде
Подобного. Конец креста обломан.
Вершина же и левый луч – целы.
На них, в кругах, таинственные знаки.

Их ведали чеканщик и монах,
И всякий раб крещеной Византии.
Но суть не в них.
Внизу креста – Христос.

Католики, воспевшие распяты,
И муки, и поруганную плоть,
И Божьей кровью полные стигматы,
Взроптали бы, увидя этот крест.

Здесь нет распяты. Иисус нисходит
С вершины мук в сияньи и любви,
Неся перед собой живые руки,
Как бы желая даровать хлеба.

За ним овал золотого ореола...
Крест позади. Его не миновать,
Но он остался знаком пограничным:
Преодолей, шагни, переступи!

Иди за мной, иди и не противься.
Распяты нет, есть радости завет.
Так мне внушали древние монахи,
Носившие под рясой этот крест
Еще до русских лет Тмутаракани.

.....
Молчат надгробья. А поручик спит,
Внимая Небу. Прах летит по ветру.

И лишь Геракл в порыве роковом
Не может отыскать достойной цели,
От подвига до подвига летит,
Пронзая ветер жалом копьевидным,

Не зная, что на траурном костре
Он в тунике отравленной истлеет
В жестоких корчах. Навсегда достигнут
Самим собой...

* * *

Грошика, медного грошика
Недоставало душе.
Прожито, всё уже прожито,
В опорожнённом ковше –

Только слезинка заветная,
Долгой любви исток.
Где ж моя денежка медная?
Что ли опять на восток

Катит сиротской дорогою
В сторону щедрой зимы –

Меж алтарём и треногою,
Мимо сумы и тюрьмы.

* * *

Ложь запамятовав двояку,
Зной на вертел дня нанизав,
Лечь у речки,
Обнять собаку
И следить сильфид в небесах.

А у ног – перекатноводно
Речки каменный клавесин.
Заплутать в девяти блаженствах,
И не ведая – что к чему,
Узнавать соловья – по жесту
И по запаху – тлен и тьму.

То бишь просто и без восторга,
Улыбаясь, как пёс во сне,
Пить по милости Коопторга
Солнце медленное на дне,
Да, на донце литых посудин,
Что ласкает моя рука,
Не заботясь: причём тут Путин,
Педофилы и ГубЧеКа.
Петь, мурлыкать полубормотно,
Оборотом родных осин,

Мир умён и сиюминутен.
Пёс мой спит.
Караван идёт.
А и вправду – причём тут Путин,
Соль

земли

Королевы

Мод.

АРИСТЕЙ

Гипербореец обучал Гомера –
Гласит молва.
Степи и звёзд сияющая сфера,
Ковыль-трава,
Пространство пожирающие кони,
Судьбы кудель,
И песня о прекрасном Аполлоне
У храма Дельф.

О, кто б ты ни был – ветренный хозяин
Златой стрелы,
Чей дух постиг эфир неосязаем,
Кто тело мглы,
Как трассером, поэзией пронзая,
Прошёл сквозь мир,
Чтобы живую музыку глотая,
Ахейских лир
Запели струны, скифии не помня,
Алтая вне!
Восстал, чтобы другой, героям ровня,
Слепой вполне!..

С тех пор летит стрела, летит, грохочет,
Грозя-свища!
Сверкает, чудодействует, пророчит,
Родню ища.